

Маршалл Род

7.03.03.

Роб Маршалл: музыка — это моя кровь

Наше интервью с Робом Маршаллом в берлинском отеле Four Seasons прерывается, едва начавшись, вторжением Рене Зеллвегер, которая крепко обнимает и целует своего режиссера. «Я люблю тебя!» — комично причмокивая, говорит она. «И я люблю тебя, моя сладенькая», — в тон ей отвечает Маршалл. Потом, извинившись и пританцовывая, она убегает.

— **Похоже, вас любят актеры?**

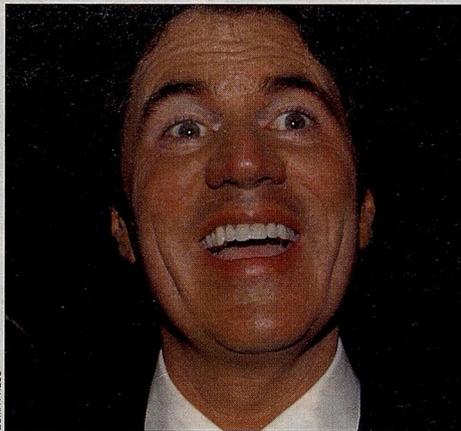
— Пусть они скажут об этом сами. Но насчет Рене... я уверен в ее искреннем и добром отношении. Мы научили ее танцевать, и, как видите, она с тех пор не останавливается. Вчера протанцевала всю ночь на вечеринке, и вот опять. Фильм помог ей почувствовать себя почти Мэрилин Монро. У Рене нет музыкального опыта, но она настолько натуральна и органична, что работать с ней — одно удовольствие.

— **Итак, возрождается мюзикл?**

— Все наперебой об этом говорят, но, поверьте, никто не отдавал приказ сверху заняться мюзиклом, и в то же время это не происходит само собой. Чтобы запустить «Чикаго», мы пошли на большой риск — и творческий, и финансовый. Легко делать фильм экшн — там любой бюджет скорее всего оправдает. В данном случае надо было просто открыть дверь почти забытому жанру, который многим кажется архаично театральным. Надо было многое придумать и заново осмыслить, чтобы мертвец ожил.

— **И как же вам это удалось?**

— Лично мне очень помогает дисциплина театра, в котором я проработал много лет. Фильм мы снимали в Торонто, а это гораздо дешевле. Ведь



Снимать хорошее кино Робу Маршаллу помогает театральная дисциплина

бюджет у нас — не считая актерских гонораров — был очень невелик: всего 17 миллионов долларов. Но в Торонто даешь 40 миллионов, а получаешь 60. Кроме того, мы очень экономно работали: огромные сцены снимали за день или за полдня. Сценарий был прописан настолько подробно, все так тщательно отрепетировано, что оператору оставалось только поставить камеру.

— **Кажется, вы сделали ставку на отношения двух героинь — блондинки и брюнетки,**

пышной и тщедушной, вамп и инженеру. Словом, Кэтрин Зеты-Джонс и Рене Зеллвегер...

— Да, не скрою, мне нравится динамика отношений между столь разными женщинами. Но если бы не было мужчин, я не уверен, что фильм бы не рассыпался, как картонный домик.

— **Говорят, что Ричард Гир мечтал сыграть роль Билли Флинна.**

— Ему просто хотелось сделать что-то другое — не то, к чему он привык. Ему осточертели романтические комедии, в которых шаг вправо, шаг влево — расстрел. Идея стилизованного мюзикла увлекла его, и вы видите результат — перед нами новый, незамтампованный Гир.

— **Герой, которого он играет, — классический шоумен, манипулятор. Вам пришлось создать для него специальное пространство?**

— Мы решили уподобить суд цирку, оформили для него округлое помещение. Это был принцип всего фильма: жизнь — как театр, мечта — как перформанс.

— **Это уже не первый фильм последних лет, где мюзикл становится жанром, символизирующим бегство от реальности.**

— «Танцующая в темноте» Ларса фон Триера — один из таких фильмов, и я эту картину глубоко уважаю.

— **«Чикаго» — ваш дебют в большом кино. Намерены ли вы снять что-то помимо мюзикла?**

— Да, мне хотелось бы попробовать себя в чем-то другом. Но потом опять вернуться к мюзиклу. Музыка — это моя кровь.

Беседовал Андрей Плахов